

Симон Соловейчик

Заботливые дети?

Москва
«Первое сентября»
2017

Беззаботное детство и беспечная юность опознаны во многих прекрасных стихах, и это естественно: когда мы в зрелости возмем, обремененные множеством житейских забот, оглянемся на первые годы жизни, то прежде всего оин, годм эти, представляются нам легкими и бесхлопотными — в том-то и состоит их неповторимая прелесть. Правда, при более тщательном размышлении мы вспомним, что и в детстве, и в юности была у нас волнения, и вот — «беспечная юность...».

А задумавшись, додума ли мы содрать свои дела отчасти беззаботное детство? Или чем больше забот у ребенка, тем лучше? Забота воспитывает? По-разному? Прибавляет? Отнимает?

ОБЫЧНАЯ домашняя сцена:
— Коля, следи за хлебом.
— Сейчас.
— Ну, сейчас!
— Коля, сколько раз тебе повторять! Когда берет сумку, деньги и отправляется в магазин. Он делает это каждый день, это его «домашняя обязанность», воспитанная на всех педагогических приемах («у детей должны быть постоянные домашние обязанности»), но каждый день хорошо отработанный, сцена повторяется идеально однообразно: сюжет, интонация, жимика и даже походка сына — специально отработанная походка, которая должна выразить что-то вроде: «Как вы мне все надеетесь», — все неизменно. Если бы на один день мама вышла из роли и не запомнила бы Колю его «домашней обязанностью», он и не подумал бы идти в магазин. Работа ходить в магазин — Колина, забота о Колиной работе — мамина.

А в школьных делах? Реально учиться, то есть ходить в школу и делать уроки, конечно, сын, но кто заботится о том, что пора сесть за уроки, что надо отправляться в школу, иначе опоздание неминуемо? Мама. Это она проявляет настойчивость, заставляет сына кончить школу, потом помогает ему выбрать рас-

ФОТОКОНКУРС «НЕДЕЛЯ»
● БАБУШКИНЫ ПОМОЩНИКИ

Фото В. ЗОНОВА (Камениск-Уральский).

бы воспринять: не появились росточки? Конечно, если мы хотим вырастить заботу, мы должны приоткрыться к тому, что ребенок поначалу пройдет через потерю. Пручичены садятся за уроки, только под надзором старших и взрослый этого надзора, он неминуемо называет плохим отцом. Но будем верить в сына, и его способность победить трудность, будем верить в школу, будем терпеливы — и самостоятельная забота непременно появится.

К сожалению, и школа подчас создает у ребят представление, будто учение — это забота родителей, а не детей. Чуть что, по любому поводу — жалоба родителям, запись в дневнике, вызов в школу. Постепенно у ребенка складывается впечатление, будто все его школьные дела — забота чьи-то: учителя, директора, мамы, папы, только не его.

Правильно ли это? Педагогично ли? Не вернее было бы поставить дело так: ты учишься — ты и разбирайся со своими заданиями и неприятностями, если они возникнут, умей сам справиться с ними. Мы привыкли в том, что за детьми нужен глаз да глаз. Но контрольные — не значит снимать заботу. Разумный контроль как раз и должен повмшать ответственности, а не снимать ее, помогать учиться, а не мешать, как это бывает иногда.

Так в отношении школьных забот, которые ни с кем разделять нельзя. В семейных же делах все по-другому...

ВСЕ У МЕНЯ в отряде шло более или менее нормально, одна беда: уборка территории. Мои одноклассники-мальчишки отчаянно не любили эту работу. Целым отрядом чуть ли не по часу в день сидели друг на друга, мы мезы и подбрасывали бумажки, но не работа это была, а мучение. И вдруг я однажды увидела, как Таня Гаврилушкина, вожатая соседнего отряда старших мальчиков, взяла во время неурочного часа метлу и в десять минут без разговоров подмела вокруг домика своего отряда. Одна Сама. Без разговора. Сначала я ужаснулся: мне бы шестнадцать лет, и у меня никаких дел было четкие, чем сейчас, представления о педагогике: «это же нарушенье всех прав!» Это же... а воспитание трудолюбия? Так и шло дело: пока я спорился и спорился с ребятами, воспитывала в них трудолюбие, Таня потихоньку подмела вокруг своего домика. Но вскоре обнаружилось, что как раз моих ребят и не заставляли работать, а Таня была первыми на холмовом поле, и в саду, и мильчином ее наперероб стремилась сять с нас все заботы. Не она уговаривала их работать — они упрямцами ее не брались за работу, они держали домок в чистой чистоте. Позже я поняла, что заставляла ребят работать из отвлеченной идеи воспитания — значит нарушать естественность отношения, вносить в них фальшь, подмывать ту самую педагогку, во имя которой производится все эти манипуляции. То, что легко и просто делать самому, то и надо делать, не беспокоя о воспитании. Это стремление взять на себя работу не останется незамеченным, перестанет делан.

Вообще в хорошей семье никто никого не воспитывает — все живут дружно, каждый старается взять на себя работы по большому, вот и все педагогики. Домашнее «услуга по отношению к детям с годами все больше спарывает свою деятельность, и все больше расширяется сфера услуг, которые дети оказывают взрослым. Тут нет никаких проблем, тут сами собой развиваются заботливость и заботливая деятельность, которая отличает истинно воспитанного человека: никогда, ни при каких обстоятельствах не доставляет хлопот другим, не вызывает затруднений в их жизни; не требует заботы о себе и постоянно стремится обеспечивать жизнь окружающих.

С заботой такое дело: ее нельзя требовать — ни от детей, ни от кого-нибудь еще. Забота по требованию перестает быть заботой в истинном смысле слова. Заботу можно только провмшать — и жалеть, терпеливо, с надеждой и жерой ждать, что и дети научатся провмшать ее. Если же, несмотря на всю нашу заботливость, дети оказываются неблагодарными — что ж, значит, мы в чем-то просчитались. Возможно, когда-то не хватало у нас щедрости или терпения и внесли мы в семью неадекватный расчет: «Я из-за тебя ночей недосыпала, а ты...» Впрочем, не было такого дня, такой минуты?

Если мы научимся воспитывать детей, которые в состоянии сами заботиться о своих школьных и иных делах, проявлять заботу о младших и старших, можно сказать, все или почти все проблемы воспитания будут для нас решены.

Что же нас ждет беззаботного детства и беспечной юности, та, когда дети вырастут, они будут вспоминать детство и юность именно так: счастливая пора...

ЗАБОТЛИВЫЕ ДЕТИ?
С. СОЛОВЕЙЧИК

боту, получить профессию — все она, и именно у нее во всех этих хлопотах и вырабатывается железный характер. Мы не всегда замечаем, что характер воспитывает не столько работа, сколько действительное, сколько забота о работе, собственное стремление выполнить ее.

Когда мы читали, что школьники построили своими руками стадион или переоборудовали физический кабинет, похвалит человека, труд, разумеется, заслуживает человека, дает навыки, но не в этом основная воспитательная ценность его. Главный вопрос: а чья была забота — строить стадион и перестраивать кабинет? Кто планировал, кто просматривался утром с мыслями о предстоящей работе — директор школы? Учитель? Или сами ребята? Кто заботился, тот и проявлял характер, тот и получал полное удовлетворение, когда работа была закончена, тот, собственно, и воспитывался — и только тот. Всякая работа воспитывает, но надо четко представлять, кого именно.

В большинстве своем мы сами росли в таких условиях, что забота всякого рода, естественно, наваливалась на нас. Иные уже в 12—13 лет вели хозяйство, а те трудились на заводе. И мы хорошо знаем, как воспитывал детей в трудных условиях, имели, можно сказать, многолетний опыт такого воспитания. Но как воспитывать детей в достатке? В этом у нас опыта мало, и потому мы должны быть особенно внимательными к своим поступкам и мыслям. Иначе всего пользы принесут попытки навязаться от педагогической неурверности за счет детей: «Все есть... Пичекого молка только не завает... А и вот впервые купил юбку в тридцать лет...» Однако дети абсолютно не виноваты в том, что у них «все есть», как не виноваты они и в том, что у нас ничего

не было. Дети не могут даже оценить того, что им дают, потому что оценивать значит сравнивать, а сравнивать им не с чем. К тому же если мы все даем детям, но забываем дать им возможности, которая была у нас и которой мы сейчас так гордимся, — возможность заботиться, то они, дети, вправду почувствуют себя и обездоленными, как бы роскошь их окружала.

Вспомним Макаренко. Он окружал ребят такой заботой, какой они никогда не видели в привычной своей жизни, и в то же время давал им все возможности заботиться о других — о коллективе, его жизни и его чести. Максимум заботы о детях и максимум предоставленной им возможности заботиться о других — вот, пожалуй, и есть идеальное воспитание. Но как достичь этого уровня?

ГЛАВНАЯ трудность состоит в том, что забота — внутреннее, собственное побуждение и потому ее невозможно заменить поуждением какого бы то ни было рода... Можно заставить ребенка делать уроки, но как заставить его заботиться о своих уроках? Заставить — как раз и значит снимать заботу, и чем больше мы заставляем, тем худшее результаты добиваемся, хотя внешне учатся... Привычки и легкие средства воспитания — урок, поощрение, относительно исправно действующие во многих случаях жизни, совершенно не годятся для воспитания заботливости.

При самом высоком наблюдении можно обнаружить, что каждое дело требует вполне определенного объема заботы. И не добавь ты ни — если говорить пошлутя — и истинным физическим законом сохранения еще один — закон сохранения объема заботы... Вся семья не

должна с утра до вечера думать, сказать, о том, чтобы пойти в магазин или в прачечную. Необходимый повод этот требует какого-то небольшого и вполне определенного объема заботы. Если о магазине заботится мама, то сын или дочь не станут заботиться, сколько бы их ни обманывали в бессердечии. Если мама берет на себя заботу ушивать сына за уроки — она автоматически снимает ее с сына: теперь он и не приотрется к учебникам, пока не раздается строгое ткнутое напоминание. Работе под названнем «домашние уроки», как и всякой другой работе на свете, сопутствует свой, ограниченный объем заботы, и когда родители берут какую-то часть этого объема себе, детская доля заботы ровно на столько же уменьшается. Самих заботливых родителей отнимают у детей все заботы до последней копейки, и «беззаботное» детство становится почти несчастливым, хотя бы потому, что замещающий родителей трудно удержаться от попреков. В отличие от всех других видов зловеще жадное присвоение всех забот и тому же еще и наполняет человека сожалением, будто именно он и есть алтрус.

«Да если мою же напомнить про уроки, он сам не за что не сделает, — говорит обычно. — Вчера меня не было дома, и пожалуйста — все!..» «Дерь пробегать!» Да потому и пробегает, что привык и поучиваниям Заса перепутаны спичками и следствия. Забота не возникает сразу, в один день, она должна постепенно созреть и обязательно созреть, если мы наберемся терпения и не будем прерывать тот незаметно протекающий и подчас изурительный медленный рост заботы, если мы не будем уподобляться ребенку, который сажает зернышко и потом каждую минуту выкапывает его, что-

Неделя, № 37, 9-15 сентя. 1974

Статья Симона Соловейчика «Заботливые дети?» впервые была опубликована в сентябре 1974 года в газете «Неделя» (№ 37, 9-15 сентября).

© Издательский дом «Первое сентября», 2017 г.

Беззаботное детство и беспечная юность опоэтизированы во многих прекрасных стихах, и это естественно: когда мы с высоты возраста, обремененные множеством житейских забот, оглядываемся на первые годы жизни, и прежде всего они, годы эти, представляются нам легкими и бесхлопотными – в том-то и состоит их неповторимая прелесть. Правда, при более тщательном размышлении мы вспоминаем, что и в детстве, и в юности были у нас волнения, но теперь они кажутся нам романтическими, и вот – «безмятежная юность...».

А задумавшись, должны ли мы создавать своим детям поэтически беззаботное детство? Или чем больше забот у ребенка, тем лучше? Забота воспитывает? Подавляет? Прибавляет? Отнимает?

Обычная домашняя сцена:

– Коля, сходи за хлебом.

– Сейчас.

– Коля, сходи за хлебом!

– Ну, сейчас!

– Коля, сколько раз тебе повторять?!

Коля берет сумку, деньги и отправляется в магазин. Он делает это каждый день, это его «домашняя обязанность», воспетая во всех педагогических книжках («У детей должны быть постоянные домашние обязанности»), но каждый день хорошо отрепетированная сцена повторяется идеально однообразно: сюжет, интонации, мимика и даже походка сына – специально отработанная походка, которая должна выразить что-то вроде «Как вы мне все надоели», – все неизменно. Если бы на один день мама вышла из роли и не напомнила бы Коле о его «домашней обязанности», он и не подумал бы идти в магазин. Работа ходить в магазин – Колина, забота о Колиной работе – мамина.

А в школьных делах? Реально учится, то есть ходит в школу и делает уроки, конечно, сын, но кто заботится о том, что пора сесть за уроки, что надо отправляться в школу, иначе опоздание неминуемо? Мама. Это она проявляет настойчивость, заставляет сына кончить школу, потом помогает ему выбрать работу, получить профессию – все она, и именно у нее во всех этих хлопотах и вырабатывается железный характер.

Мы не всегда замечаем, что характер воспитывает не столько работа, реальное действие, сколько забота о работе, собственное стремление выполнить ее.

Когда мы читаем, что школьники построили своими руками стадион или переоборудовали физический кабинет, подождем восхищаться. Труд, разумеется, закаляет человека, дает навыки, но не в этом основная воспитательная ценность его. Главный вопрос: а чья была забота – строить стадион и перестраивать кабинет? Кто планировал, кто просыпался утром с мыслями о предстоящей работе – директор школы? Учитель? Или сами ребята? Кто заботился, тот и проявлял характер, тот и получил полное удовлетворение, когда работа была закончена, тот, собственно, и воспитывался – и только тот. Всякая работа воспитывает, но надо четко представлять, кого именно.

В большинстве своем мы сами росли в таких условиях, что заботы всякого рода, естественно, наваливались на нас. Иные уже в 12 – 13 лет вели хозяйство, в 14 трудились на заводе. И мы хорошо знаем,

как воспитывать детей в трудных условиях, имеем, можно сказать, многовековой опыт такого воспитания.

Но как воспитывать детей в достатке?

В этом у нас опыта мало, и потому мы должны быть особенно внимательны к своим поступкам и мнениям. Меньше всего пользы принесут попытки избавиться от педагогической неуверенности за счет детей: «Все есть... Птичьего молока только не хватает... А я вот впервые купил костюм в тридцать лет...» Однако дети абсолютно не виноваты в том, что у них «все есть», как не виноваты они и в том, что у нас «ничего не было». Дети не могут даже оценить того, что им дают, потому что оценить – значит сравнить, а сравнивать им не с чем. К тому же если мы все даем детям, но забываем дать им возможность, которая была у нас и которой мы сейчас так гордимся, – возможность заботиться, то они, дети, вправе почувствовать себя и обездоленными, какая бы роскошь их ни окружала.

Вспомним Макаренку. Он окружал ребят такой заботой, какой они никогда не видели в прежней своей жизни, и в то же время давал им все возможности заботиться о других – о коллективе, его жизни и его чести. Максимум заботы о детях и максимум предоставленной им возможности заботиться о других – вот, пожалуй, и есть идеальное воспитание. Но как достичь этого уровня?

Главная трудность состоит в том, что забота – внутреннее, собственное побуждение и потому ее невозможно заменить понуждением какого бы то ни было рода... Можно заставить ребенка делать уроки, но как заставить его заботиться о своих уроках? Заставлять – как раз и значит снимать заботу, и чем больше мы заставляем, тем худшего результата добиваемся, хотя внешне дела могут выглядеть и сносно: ребенок учится... Привычные и легкие средства воспитания – упрек, попрек, относительно исправно действующие во многих случаях жизни, совершенно не годятся для воспитания заботливости.

Книга

Симона Львовича Соловейчика «Непрописные истины воспитания»

Купить печатную версию:

<https://book24.ru/product/nepropisnye-istiny-vozpitaniya-1389796/>

Купить электронную версию:

<https://www.litres.ru/simon-soloveyichik/nepropisnye-istiny-vozpitaniya-izbrannye-stati/>

Смотреть трансляции видеоконференций о книге «Непрописные истины воспитания»: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLGhdhjnY0W-OTuZJIXI8qXF5TrtgXeuPt>

Ведущий: Артём Симонович Соловейчик

При самом несложном наблюдении можно обнаружить, что каждое дело требует вполне определенного объема заботы. И не добавит ли нам – если говорить полусуто – к известным физическим законам сохранения еще один – закон сохранения объема заботы?.. Вся семья не должна с утра до вечера думать, скажем, о том, чтобы пойти в магазин или в прачечную. Необходимый поход этот требует какого-то небольшого и вполне определенного объема заботы. Если о магазине заботится мама, то сын или дочь не станут заботиться, сколько бы их ни обвиняли в бессердечии. Если мама берет на себя заботу усаживать сына за уроки – она автоматически снимает ее с сына: теперь он и не притронется к учебникам, пока не раздастся строгое мамино напоминание. Работе под названием «домашние уроки», как и всякой другой работе на свете, сопутствует свой, ограниченный объем заботы, и когда родители берут какую-то часть этого объема себе, детская доля заботы ровно на столько же уменьшается. Слишком заботливые родители отнимают у детей все заботы до последней капли, и «беззаботное» детство становится почти несчастьем, хотя бы потому, что изнемогающим родителям трудно удержаться от попреков. В отличие от всех других видов эгоизма жадное присвоение всех забот к тому же еще и наполняет человека сознанием, будто именно он и есть альтруист.

«Да если моему не напомнить про уроки, он сам ни за что не сядет, – говорят обычно. – Вчера меня не было дома, и пожалуйста – весь день пробегал!».

Да потому и пробегал, что привык к понуканиям! Здесь перепутаны причины и следствия. Забота не возникает сразу, в один день, она должна постепенно созреть и обязательно созреет, если мы наберемся терпения и не будем прерывать тот незаметно протекающий и подчас изнурительно медленный рост заботы, если мы не будем уподобляться ребенку, который сажает зернышко и потом каждую минуту выкапывает его, чтобы посмотреть: не появился росточек?..

Конечно, если мы хотим вырастить заботу, мы должны приготовиться к тому, что ребенок поначалу пройдет через полосу больших затруднений и неприятностей. Приученный садиться за уроки только под надзором старших и вдруг лишенный этого надзора, он неминуемо нахватает плохих отметок. Но будем верить в сына, в его способность победить трудности, будем верить в школу, будем терпеливы – и самостоятельная забота непременно появится.

К сожалению, и школа подчас создает у ребят представление, будто учение – это забота родителей, а не детей. Чуть что, по любому поводу – жалоба родителям, запись в дневнике, вызов в школу. Постепенно у ребенка складывается впечатление, будто все его школьные дела – забота чья угодно: учителя, директора, мамы, папы, только не его.

Правильно ли это? Педагогично ли? Не вернее было бы поставить дело так: ты учишься – ты и разбирайся со своими делами и неприятностями, если они возникают, умей сам справиться с ними. Мы привыкли к тому, что за детьми нужен глаз да глаз. Но контролировать – не значит снимать заботу. Разумный контроль как раз и должен повышать ответственность, а не снижать ее, помогать учиться, а не мешать, как это бывает иногда.

Так в отношении школьных забот, которые ни с кем разделять нельзя. В семейных же делах все по-другому...

Все у меня в отряде шло более или менее нормально, одна беда: уборка территории. Мои одиннадцатилетние мальчишки отчаянно не любили эту работу. Целым отрядом чуть ли не по часу в день, сердясь друг на друга, мы мели и подбирали бумажки, но не работа это была, а мучение. И вдруг я однажды увидел, как Таня Гаврилушкина, вожатая соседнего отряда старших мальчиков, взяла во время мертвого часа метлу и в десять минут без разговоров подмела вокруг домика своего отряда. Одна. Сама. Без ребят. Сначала я ужаснулся: мне было шестнадцать лет, и у меня имелись куда более четкие, чем сейчас, представления о педагогике: «Это же нарушение всех правил! Это же... А воспитание трудолюбия?» Так и шло дело: пока я, сердясь и ссорясь с ребятами, воспитывал в них трудолюбие, Таня потихоньку подметала вокруг своего домика. Но вскоре обнаружилось, что как раз моих-то ребят и не заставишь работать, а Танины были первыми и на колхозном поле, и в саду, и мальчишки ее наперебой стремились снять с нее все заботы. Не она уговаривала их подметать – они упрашивали ее не браться за уборку, они держали домик в изумительной чистоте. Позже я понял, что заставлять ребят работать из отвлеченной идеи воспитания – значит нарушать естественность отношений, вносить в них фальшь, подрывать ту самую педагогику, во имя которой производятся все эти манипуляции. То, что легко и просто делать самому, то и надо делать, не беспокоясь о воспитании. Это стремление взять на себя работу не останется незамеченным, передастся детям.

Вообще в хорошей семье никто никого не воспитывает – все живут дружно, каждый старается взять на себя работы побольше, вот и вся педагогика. Домашнее «бюро услуг» по отношению к детям с годами все больше сворачивает свою деятельность, и все больше расширяется «сфера услуг», которые дети оказывают взрослым. Тут нет никаких проблем, тут сами собой развиваются заботливость и та драгоценная деликатность, которая отличает истинно воспитанного человека: никогда, ни при каких обстоятельствах не доставлять хлопот другим, не вызывать затруднений в их жизни; не требовать заботы о себе и постоянно стремиться облегчать жизнь окружающим.

С заботой такое дело: ее нельзя требовать – ни от детей, ни от кого-нибудь еще. Забота по требованию перестает быть заботой в истинном смысле слова. Заботу можно только проявлять – и ждать, терпеливо, с надеждой и верой ждать, что и дети научатся проявлять ее. Если же, несмотря на всю нашу заботливость, дети оказываются неблагодарными – что ж, значит, мы в чем-то просчитались. Возможно, когда-то не хватило у нас щедрости или терпения и внесли мы в семью меркантильный расчет: «Я из-за тебя ночей недосыпала, а ты...» Вспомним, не было такого дня, такой минуты?

Если мы научимся воспитывать детей, которые в состоянии сами заботиться о своих школьных и иных делах, проявлять заботу о младших и старших, можно сказать, все или почти все проблемы воспитания будут для нас решены.

Что же касается беззаботного детства и безмятежной юности, то, когда дети вырастут, они будут вспоминать детство и юность именно так: счастливая пора..